

Книги Марика Лернера
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

**ДОРОГА БЕЗ ВОЗВРАТА
ДОРОГА К НОВОЙ ЖИЗНИ
ДОРОГА НА ЗЕМЛЮ**

**ЮНОСТЬ ВОИНА
ЗЕМЛЯ ВОИНА
БУДУЩЕЕ ВОИНА
ПОДАРИТЬ ЖИЗНЬ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

МАРИК ЛЕРНЕР

ПОДАРИТЬ ЖИЗНЬ

РОМАН

Москва, 2016
 АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Л49

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1006

Художник
М. Поповский

Лернер М.

Л49 Подарить жизнь: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 377 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2239-5

По дорогам Вечной империи скитается лекарь, не желающий, чтобы его использовали в чужих интересах. К сожалению, умелые хирурги и целители нужны всем: любым властям, династиям и силам, стоящим по ту или иную сторону гражданской войны. Но хуже того, его стремятся использовать в своих целях и первосвященник официальной религии. А в прошлом лекаря присутствуют не самые удачные моменты. Адептов чужих религий и их жрецов уничтожают со всей возможной жестокостью. Вот и выходит, что лучше бежать и скрываться, чем отвечать на вопросы опасных людей из Храма Солнца. И правильнее будет не демонстрировать умение колдовать, а то и на костер угодить недолго.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Марик Лернер, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2239-5

Пролог
ВЫСМАТРИВАЮЩИЙ ИЗ СТОЛИЦЫ

Фем Цур

Фем Цур удивленно пожал плечами. Происходило нечто странное, и лучше было бы найти этому объяснение.

Собственно, приставка «фем», сообщающая об его аристократическом прошлом, употребляться в этом разговоре не должна. Теоретически члены Ордена Солнца равноправны, и происхождение роли не играет. Практически же у каждого, получившего в детстве военное образование, были гораздо более высокие шансы продвинуться по иерархической лестнице.

Цур, второй сын, не имеющий права на наследование земли и поэтому ставший охранником Храма Солнца, считался жрецом и терял право на соответствующие положению фема привилегии, несмотря на то что члены Ордена обладали правом носить оружие и применять его. И не стеснялись своими возможностями пользоваться.

В истории империи они сыграли немалую роль — носители желтого солнечного диска на синем плаще. Немногие смельчаки решались выступить против них. Но как бы то ни было, назвать в разговоре человека фемом — означало просто проявить вежливость. А в беседе между почти равноправными, хотя и служащими по разным ведомствам, — проявить вежливость подчеркнутую.

— Я не понимаю, — сознался Цур, не дождавшись пояснений.

— Вам и не надо ничего понимать, — раздраженно отрезал сидящий напротив Талмат. Меньше всего ему сейчас хотелось пускаться в разъяснения — за отсутствием таковых. Двадцать лет службы в качестве Высматривающего давно отучили зада-

вать лишние вопросы. Талмат сумел столь высоко подняться по служебной лестнице именно потому, что научился ловить желания начальства на лету и самостоятельно разбираться в мотивах поступков вышестоящих жрецов.

Это не означало, что он может нарушить приказ, но давало возможность уйти из-под удара в тех неприятных случаях, когда сверху решали все переиграть, не отменяя первоначальных указаний, но сообразуясь с политикой или внутренними делами Храма. Исполнители в любой миг могли плохо кончить, и поэтому требовалось соображать, что, собственно, происходит.

Благодаря своей замечательной непотопляемости Талмат заслужил прозвище Везунчик, и только он один знал, что удача здесь ни при чем. Он всегда старался обнаружить тайные мотивы в действиях окружающих и преуспел в этом, научившись неторопливо подниматься все выше и выше в иерархии Высматривающих. Чин тысяцкого заслужил без особых трудов и теперь работал над внедрением своих людей в окружение фе-ма Косты. Но вдруг последовал вызов на очень высокий уровень и невразумительный приказ.

Прекрасный разведчик, имеющий за спиной двадцать с лишним лет работы, он подозревал какую-то сложную интригу, но добраться до ее сути пока не мог. Все свое время. Будет еще возможность пообщаться и близко понаблюдать подследственного. Одно ясно: человека его уровня не стали бы отрывать от важного дела ради безделицы. Что-то в этом чувствовалось не слишком хорошее. Послали бы письмо Цуру из канцелярии Центрального Храма с приказом доставить лекаря по назначению — и никаких забот. Но нет. Перемудрили.

— Я не пытаюсь обвинить вас в нерадивости и плохом выполнении должностных обязанностей. Меня интересует один конкретный человек. Излагайте.

— Со всей ответственностью заявляю, — осторожно произнес Цур после паузы, — что никаких проявлений магии за ним не замечено. Мы внимательно отслеживаем всех более или менее заметных лекарей, работающих по лицензиям в городе. Э-э-э... ситуация под постоянным контролем. Все надлежащие обряды лекарь выполняет правильно и в срок.

Талмат демонстративно поморщился:

— Честно? Такой весь из себя правильный, без пятнышка.

— Вы не хуже меня знаете, — тщательно подбирая слова, заявил Цур, — лекарь не может работать и хоть чего-нибудь не нарушать. Слишком расплывчаты правила, записанные в лицензии.

Талмат кивнул, соглашаясь. В сущности, так и было задумано изначально. Любого при необходимости можно взять за шкуру и отправить на костер. Было бы желание. Поэтому явно нарушать закон рисковали нечасто. Слишком быстро становилось известно в городе о хирургическом вмешательстве высокого уровня и магических действиях. Весь вопрос в том, что называть мастерством. Список разрешенных операций по определению не мог быть полным. А что не запрещено, то, в принципе, разрешено. Хирурги не могли не работать на грани, однако при этом проверить их действия чаще всего было некому. Скажет — аппендицит или еще какая хрень. А выяснить точно, не вранье ли это, нет возможности.

— А в деревне?

— А вот там все бывает, — поморщился Цур. — И магия возможна. Любое большое поместье — закрытый мир, и посторонним туда доступа нет. Иногда всплывают крайне неприятные вещи, как три года назад. С жертвоприношениями и пролитием крови. Тогда провели самую настоящую карательную экспедицию.

— Фем Харавои?

— Именно. Нам пришлось истребить весь род, хотя четких доказательств причастности детей к совершенным злодеяниям Высматривающие не нашли.

— Закон есть закон, — пробормотал Талмат.

— Так вот... Подавляющее большинство лекарей относятся, скорее, к категории не способных ни на что серьезное. Экзамены сдать не смогли, или Храм не посчитал нужным оставить их в рядах жрецов-здоровоохранителей. Что как бы намекает на уровень знаний данных представителей искусства врачевания. На всех опытных лекарей не напасешься, обойдутся знахарем. Или целителем. Беднякам тоже иногда помощь нужна. В нашей провинции вместо профессиональных

специалистов преобладает сброд, среди которого множество шарлатанов.

— Вы думаете, в центре империи иначе? — с ощутимой иронией в голосе спросил Талмат.

— Надеялся. Ну да вам лучше знать. В некоторых отношениях политика Храма не представляется мне правильной. Нужно обучать способных, а не только наделенных яркими дарованиями. Впрочем, это не наш уровень, а приказы я выполняю. Но в результате эпидемии и желудочные заболевания в провинции не прекращаются. Вода у нас в реке не очень хорошая. Все живущие выше по течению сливают в русло помои.

— Ничего удивительного. Знакомое дело.

— Совершенно верно. Тысячи знахарей и знахарок пользуются человеческими несчастьем и темнотой. Настоящих лекарей, знающих хотя бы кое-что, мало. Нужда в них постоянная. В основном лечат травами и используют кое-какие поверхностные знания. Что там аптекари продают... — Цур махнул рукой и криво усмехнулся. — Ожидать от них серьезных операций... Хм... Однако есть в Серкане и трое квалифицированных лекарей, не относящихся к Храму.

— Один — интересующий меня.

— Да. Он-то экзамены сдал и своего учителя назвал — Тудор из Карунаса.

Талмат вопросительно поднял бровь.

— Бесплезно пытаться выяснять подробности биографии Тудора. Насколько я помню, он умер больше тридцати лет назад. Это достоверно. И наличие ученика — тоже. Еще тогда проверяли, при выдаче лицензии. Ко всему прочему, во время чумы столько народа умерло, — Цур страдальчески скривился. — Вот интересующего вас лекаря с удовольствием взяли бы в жрецы, очень высокий уровень знаний, но он сам отказался. Якобы не хочет жить по обетам послушания. Сам себе голова.

— Такое тоже случается.

Цур помялся и продолжил:

— У меня такое впечатление, что он знает больше наших здравоохранителей из Храма. Причем неизвестно, из каких источников. Было несколько больных, которых не могли излечить, а он справился. Один случай — вопиющий. Привезли с

юга молодого человека с явными признаками одержимости. Хотели его даже... — жрец выразительно провел рукой по горлу, — ...во избежание. А лекарь доказал — недостаток йода. И спас человека. Вернул в нормальное состояние. Больной, от которого все отказались, поправился в кратчайшие сроки.

Про заметно выросшую после этого случая величину гононгаров, поступающих от страждущих, он докладывать не стал. Какой дурак будет делиться с Высматривающим небольшим дополнительным источником дохода? Но попробовал бы лекарь не поделиться с Цуром! Взяткой жрец это искренне не считал. Вполне нормально проявлять к вышестоящим уважение, регулярно поднося подарки. Ничего нового для любого жителя благословенной Солнцем империи. А найдутся какие-то действительно серьезные нарушения, так ему это все равно не поможет. Цур свои обязанности не забывает. Но здесь все действительно чисто. Хороший профессионал, достойный звания Мастера. И все.

— Я даже заинтересовался и проверил. Никаких магических воздействий на больного. Четкие медицинские признаки: быстрая утомляемость, депрессия, ухудшение памяти, нарастание массы тела, сухость кожи, ломкость ногтей и волос. Больной зяб даже в жаркую погоду. Мы теперь, — под «мы» подразумевался Храм, — кроме всего прочего, продаем на юг настойку йода. Неплохие деньги пришли в Серкан. На юге, оказывается, не один человек страдает. Что-то в провинции с почвой и пищей.

— И откуда у него столь интересные познания?

— На прямой вопрос ответил, что сведения об этих заболеваниях и их симптомах содержатся в трактате Великого Аяпа.

— А об этом ему поведал его незабвенный учитель, — саркастически сказал Талмат. — Насколько я знаю, ничего подобного не существует. И сочинения Аяпа не жгли. Редактировали, исключая славословия в адрес Бога-Врача, но не уничтожали.

— Между прочим, — невозмутимо сообщил Цур, — на мой запрос Храм ответил, что трактат существует в единственном экземпляре. Но симптомы болезни и способы лечения описаны там в полном объеме. — Он был очень доволен возможно-

стью показать объем ведущейся работы и попутно посадить Высматривающего в лужу. А фразочку про Бога-Врача надежно зафиксировал. Пригодится. За такие вещи бьют кнутом. Лишний козырь на будущее. — Секрета метод лечения не представляет. Просто об этом мало знают. Аяп прославился прививкой от оспы, а все остальное его наследие мало известно. Ничего серьезного за ним больше не числится.

— И этого более чем достаточно, — привычно делая круговой жест напротив сердца, сказал Талмат.

«Особенно, — подумал Высматривающий, глядя на зеркальное повторение его движения Цуром, — если учесть, что Аяп прямо говорит в своей книге: не его это мысль — Врача. Пусть себе Цур радостно потирает руки. Для того и сказано. Иногда всякой мелкоте надо подкинуть для разживы мелкие крошки. Не ему меня подсиживать.

Аяп прямо об этом написал: Бог научил, а за ним лишь первые практические действия. Вакцинацию проводят не от коровы, а от человека. Оригинал текста видели немногие. А этот целитель умудрился обнаружить в нем малоизвестное. Почти наверняка в общедоступных записках Аяпа такого нет. Очень любопытно.

Не мешает проверить этого самого Тудора из Карунаса, — сделал он себе мысленную заметку. — Уточнить данные и год смерти. Это будет непросто. По одному личному имени попробуй точно узнать что-нибудь о человеке! Даже имя отца теперь не раскопать».

— ...Ну и последнее. Он личный лекарь Вырая.

— Простите?

— Вырай — глава гильдии нищих, — закатив глаза и придя к выводу, что Высматривающему нет дела до происходящего в Серкане, объяснил Цур.

Ну не мог Талмат с его хорошо известной репутацией так явно проколоться! Похоже, действительно не в курсе. Это и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что Высматривающий очень скоро уберется отсюда и не станет совать свой нос в чужие дела. Плохо, потому что последствия непредсказуемы. Ссориться с Выраем даже Ордену не стоит. Забирать у старич-

ка любимую игрушку сейчас неподходящее время. Уж очень он злобен и мстителен.

— В нашу гильдию нищих входят не только просящие милостыню, — пояснил вслух. — Мусорщики, золотари, дубильщики, прачки, похоронщики, хм... бандиты и воры. Эти в гильдии состоят несколько неофициально, однако платят нищим через своих представителей за защиту.

Переспрашивать Талмату не потребовалось. Систему он знал достаточно хорошо. Ничего нового. Гильдия нанимает юристов для помощи своим членам. В частности, поэтому люди и платят гильдии. Хотя не только поэтому. Просто у каждого человека должно быть определенное место в обществе. Одиночки долго не живут.

— Словом, это несколько десятков ремесленных групп, занимающихся не слишком приятным промыслом. И в смысле заработка, и в смысле запахов. Практически весь западный район с населением... хм... если очень приблизительно, то тысяча двенадцать, ходит под его рукой. Вырай представляет их интересы в Совете гильдий.

— Десятая часть населения города? — изумился Талмат. — Серьезный человек.

На самом деле в подробных лекциях он не особо нуждался. Не в первый раз сталкивался с подобным. Нищенство было профессией не только в Серкане. В любом большом городе имелась такая гильдия. Трудились в ней специалисты организованно.

Как во всякой организации, у попрошаек имелись свои специализации, профессиональные тонкости, наставники и ученики. В большинстве же случаев нищенство считалось довольно доходным семейным ремеслом. Детей, родившихся в такой семье, начинали обучать буквально с пеленок и лет в семь-восемь уже выпускали одних на самостоятельный промысел.

Поэтому чужаков редко допускали до промысла, благо и законы запрещали попрошайничать на улицах. Никто не просил просто так. Продавали всякую мелочовку, а для этого существовали лицензии с привилегиями. Без разрешения в дан-

ное общество лучше не соваться. Заплатившие властям свои кровные монетки давно поделили все вокруг и наглеца порвут быстро и умело. В буквальном смысле этого слова.

Правда, раньше Высматривающему не приходилась слышать о настолько разросшихся гильдиях нищих и включении в них посторонних групп (грабители-то как раз не новость!). Все когда-нибудь случается в первый раз. Империя огромна и разнообразна.

— Очень серьезный человек, — подтвердил Цур. — Мне бы не хотелось, чтобы вы заявили к Выраю домой и потребовали выдачи лекаря. Результат может оказаться обратным. Он в своих владениях ведет себя не лучше фема с родословной, уходящей во времена Первой империи. Его люди принадлежат ему, и без серьезных... очень серьезных причин... он их не сдает.

— Ну, мне не требуются мятежи, подстрекательские речи или поджоги, — заверил Талмат. — Все делается гораздо проще. Без шума и крови. Надо создать условия, при которых лекарь сам захочет отправиться куда-то в провинцию, и уже по дороге прихватить его. Вдали от свидетелей и заступников.

Глава 1 ЛЕКАРЬ

Лекарь

Ворота за спиной с лязгом захлопнулись. Привратник и не подумал вежливо попрощаться, он торопился поскорее избавиться от иноверцев, оставив их снаружи. Наверняка еще помолится, прося об избавлении от осквернения после прикосновения к чужезверцу.

Аголины, чего с них взять. Как и все прочие верующие, правоверными считают исключительно себя, а остальные для них злобные идиоты. Но его давно не волнует и абсолютно не задевает подобное отношение. Не лекарю волноваться об опасениях больных. Он, в смысле я, давно привык к униженным просьбам и подобострастным заглядываниям в глаза во время болезни и нежеланию расплатиться после.

О чем говорить, если в приличный дом всегда приходится заходить через черный ход в переулке. Парадный — для других категорий посетителей. Чего ожидать? Сословие ремесленников да еще плюс и сомнительная деятельность.

Пусть хоть плюют вслед (многие так и делают!), да не забывают платить. Одного сегодняшнего посещения и врученных за услуги золотых импералов иным семьям на западном берегу реки хватило бы на то, чтобы год питаться. Наша работа достаточно опасна и оплачивается по соответствующим ставкам. Естественно, платят не шарлатанам, способным максимум выдрать зуб щипцами, а людям, понимающим в своем деле. Недаром храмовники на таких, как я, смотрят косо. Мы у них даже не хлеб, а солидный кусок мяса отбираем.

Я неторопливо двинулся в сторону моста по узким кривым улицам. Ворота мрачных, нависающих над головой домов с уз-

кими окнами были закрыты. В богатых домах внутри всегда дворик с деревьями, у бедных хоть кустики какие-то непременно посажены, но снаружи — голые стены. Не любят здешние жители показывать свое имущество и достаток.

Людей снаружи тоже почти не наблюдалось. И дело даже не в том, что аголины живут, ожидая нападения соседей. Все трудятся.

Вот чего у них не отнять, так это трудолюбия и отсутствия желания бить баклуши в рабочее время. Дети старательно зубрят священные тексты, а стукнет четырнадцать — и каждого приставят к какому-то делу. Даже физически немощным и инвалидам обязательно найдут работу. А уж в будний день обнаружить пьяного в их квартале — все равно что увидеть затмение Солнца в неположенный срок. Нет, иногда случается, но это редчайшие случаи, о которых судачат по всей округе. По их понятиям лень и отсутствие движения ведут к застою жизненной энергии, болезням и преждевременной смерти.

Аголин живет, чтобы работать, а не работает, чтобы жить. Тут действует религиозно обоснованная доктрина о добродетельности труда, необходимости горбатиться до смерти добросовестно и усердно. И во многом аголины ведут себя просто замечательно. В общине предписан отказ от рабства. Запрещены издевательства и жестокое обращение начальства с подчиненными: «Не господствуй над ним с жестокостью». Воспрещена задержка заработной платы: «Не обижай ближнего твоего и не грабительствуй».

Тут поощряется высокое качество товаров и услуг, честное отношение к клиентам. Запрещаются лживые способы обогащения: «Честность — лучшая гарантия». Все это присутствует. С одной маленькой поправочкой. Заповеди работают по отношению к членам общины или другим аголинам. На остальных все это распространяется в меру совести.

Попадают среди аголинов и приличные люди, как среди всех других народов. Не без этого. А в целом ничего нового. В человеческой психологии заложено делить мир на «своих» и «чужих». Все несчастья приходят не от собственной общины. Их приносят злодеи со стороны.

— Учитель, — осторожно спросила Бенила, — а зачем вы произносили молитву, когда готовили лекарство? Они ведь еретики.

Я покосился на девочку. Сам себе создал проблему. Никто ведь не заставлял одиннадцать лет назад подходить к перевернутому фургону северян на дороге. Вечное мое нездоровое любопытство и желание сунуть нос, куда не просят. Не любят здесь белобрых пришельцев, и очень правильно делают. Они грубы, невежественны, жестоки. Столетиями империя воевала с ними. Вечно менялись границы, и кровь текла рекой. Но ведь не от хорошей жизни эти вечные набеги!

Возле льдов не прокормишься. Поля дают мизерный урожай, после ледников остаются сплошные болота. Вот и идут люди на юг, в земли благодатные и теплые. Когда с оружием в руках, а когда и целыми племенами под мирным флагом. Остаться у льдов — умереть с голоду. А в империи им не рады. И земли бесхозной тут нет. Это теперь северян стали привлекать, а было и обратное.

В очередной раз белобрыхы, допущенные только на земли пограничья, не поместились на отведенных для них территориях и двинулись вглубь страны, разоряя и грабя поселения и слабо укрепленные городки. Почти сто лет с переменным успехом шла война, а через два поколения потянулся новый ручеек переселенцев.

Впрочем, тому конкретному семейству не повезло. Уж кто постарался, я выяснять не стал, но всех их перерезали и ограбили дочиста. Ничего ценного не осталось. Мужик, судя по следам, вздумал сопротивляться и даже кого-то всерьез приглубил. Здоровый был и с копьем обращаться умел. Выбора у него, собственно, не имелось. Наверняка ловили рабов, а тут чужаки так удобно подвернулись. А когда и остальные члены семейства взялись за железо, началась резня.

Одна Бенила успела спрятаться, но слишком мала она была и немного поняла. Налетели вооруженные люди — и всех убили. Кто такие, имелись ли гербы или другие признаки, по которым можно опознать напавших, объяснить девочка не могла. Вот и пришлось ее забрать с собой, даже оформить официальные бумаги. А как же, без соответствующей татуи-

ровки на руках любой может забрать в рабыни. А для маленького ребенка из северян нет худшей доли.

Ничего не поделаешь, в империи не существует людей без статуса. Выше всех стоят воины, потом жрецы, купцы, ремесленники, крестьяне, рабы. Просто? Только на первый взгляд. В каждой группе есть множество подгрупп, и путаться в них не рекомендуется. Недолго и в рожу схлопотать.

Я вот лично отношусь к ремесленникам, и при этом очень уважаемым. Зато гильдии не имеется. Не принимать же всерьез трех или четырех человек с официальными лицензиями на более чем стотысячный город. Правда, на нас огромный спрос, но временами хочется помолиться, чтобы поменьше дергали. Все одно — невозможно всем помочь.

Вдобавок в каждом сословии множество ступенек, своя иерархия и свои нюансы, позволяющие определить, кто выше кого по положению и почему. Все учитывается — от отдельной группы, специализирующейся на определенных занятиях, до важности для государства именно этой категории населения.

Переход из сословия в сословие, как вверх, так и вниз, возможен. Законодательство это позволяет, но на деле подобное не слишком часто случается. Обычно такие передвижения происходят в результате серьезных изменений в государстве. «Продвинуться» или «упасть» удастся в случае гражданской войны, вторжений в империю, иных катаклизмов. Еще это происходит по решению императора. За особо выдающиеся деяния, изобретения и злодейства. В соответствии с заслугами — награда или наказание.

Ко всему еще существует масса юридических и фактических тонкостей. Имущественное положение, происхождение, место жительства. Встречаются жрецы, которые по положению в обществе стоят выше воинов, и рабы, имеющие собственных рабов и живущие лучше иных купцов.

К примеру, ребенок свободного и рабыни (они вообще вне сословий) — вольный, зато в глазах закона свободная женщина — всего-навсего собственность своего мужа или отца. Она не имеет права заключать контракты от своего лица, распоряжаться имуществом или представлять себя в суде. Как решит

ее хозяин (отец или муж), так и будет. Даже самостоятельно заработанные деньги по закону он имеет право отобрать.

Вот так и появилась у меня согласно «Закону об Опеке» собственная девица. Не рабыня и не свободная. Ученица. Нормальное для гильдий явление. Родители нередко сами договариваются об обучении с мастерами той или иной профессии. Обязанности «мальчиков», равно как и «девчонок», в таких случаях разнообразны.

Они должны прибираться в доме и мастерской, выносить помои, таскать воду, топить печи, рубить дрова, сопровождать хозяйку или кухарку на базар, доставлять покупки, бегать по лавочкам с поручениями, нянчить хозяйских детей, помогать разгружать и разбирать рабочие материалы, чистить котлы и тарелки, трудиться вместе с кухаркой, полоскать белье в реке — и еще много всякого разного. Что взбредет в голову хозяину, то и делай. За каждый промах, да и просто так, «для профилактики», ученикам и ученицам достаются многочисленные тычки и затрещины.

Бениле со мной повезло необычайно. Вместо регулярных пинков и бесконечных трудов у нее исключительно одна обязанность — учиться лекарскому делу. Вот если бы ума не хватило и не пошло, пришлось бы ей стать прислугой, но как раз с ученичеством никаких проблем. Ей нравится учиться, и она желает знать. Сколько знаний на голову ни вылью, впитывает не хуже губки. Удачное оказалось приобретение. Кто бы мог подумать.

Хе, а ведь я и сам не свободен от определенных, усвоенных за долгие годы взглядов: северяне тупые, пьющие, вороватые и далее по списку. Естественно, кроме парочки хороших знакомых. Это все знают. Видимо, и я так думаю. Иначе не удивился бы, обнаружив, насколько девочка талантлива. Будь она мужчиной, наверняка прославилась бы в скором будущем. Нет, все-таки приятно, когда можешь передать кому-то свои знания и прекрасно понимаешь: не пропадут. Будет польза.

Только не завтра. Скорее всего, и не через год. Но торопиться некуда. Без родственников все равно устроиться не так просто. А когда я освобожу ее от «собственного произвола и

издевательств», мое личное дело. Сроки ученичества не оговорены ни в каких указах. Правда, может замуж выскочить, тогда удерживать не имею права, да вот как-то не рвется она от меня сбегать. Мозги у Бенилы хорошо работают, и чем пахнет самостоятельная жизнь, она представляет прекрасно.

Уже почти с меня ростом вымахала, мешок с инструментами и лекарствами таскает на спине без особых сложностей. Здоровая белобрысая кобыла в длинном простом платье, изпод которого видны ноги в сандалиях. А на явно торчащую грудь перекинута коса толщиной с мою руку. Парни так и застывают, увидев ее. Да и на лицо вполне себе ничего. Возраст уже подошел. Четырнадцать считается совершеннолетием. Так что она давненько перестарок.

Конечно, здесь предпочитают чернявых, однако при желании может и неплохого парня найти в мужья. Тем более что и профессия имеется нужная. Купить у Храма лицензию для лекарской практики я ей точно помогу, без куска хлеба не останется. С экзаменами никаких сложностей не предвидится. Тот уровень, которого требуют жрецы, она превзошла без больших усилий. Впрочем, пока покидать меня девочка не собирается. Пинками гнать придется. Где еще ей дадут знания? Не в Храме — точно. Даже в лунных монастырях не приветствуют излишнюю любознательность простолюдинок.

— Хм, — прокашлялся я многозначительно, — буквально сейчас подумал, что ты умная. Ошибся. Глупый вопрос, на который прекрасно знаешь ответ.

Бенила страшно покраснела, чего при ее светлой коже никак не спрячешь, и глубоко задумалась. Я с интересом ждал результата.

— Если читать молитву с определенной скоростью, точно знаешь, какое прошло время, — с облегчением в голосе выдала она результат размышлений. — Для соблюдения условий при приготовлении лекарств это полезно.

Ну вот: прекрасная память, внимательность, умение сопоставлять факты, обобщать их и анализировать по-прежнему в наличии. Еще немного желания соображать собственной головой, а не рассчитывать на подсказку — и станет неплохим ле-

карем. Это придет с опытом. Никуда не денется. Не вечно же мне стоять рядом.

— Разве я не говорил раньше? — осведомился с наигранным удивлением. — Каждый учитель просто обязан вlepить затрещину столь нерадивой ученице.

Бенила скромно потупилась, не сделав при этом попытки замедлить шаг и оказаться подальше от моей карающей руки. Случаев, когда ей прилетало, не так уж и много, и наверняка она все замечательно помнит. Ну не лежит у меня душа лупцевать ее. Бить требуется в двух случаях: либо если твои указания намеренно игнорируются, либо если до ученика просто не доходит. Вбить в задницу сложно, но можно. Вот только к чему себя утруждать и готовить сомнительного лекаря?

В обоих случаях предпочтительней избавиться от тупого или не испытывающего желания впитывать наставления ученика. Все полезней, чем допускать этакого оболтуса к больному человеку. Да и собственной репутации жалко. Я своих учеников помню всех до единого. Кто лучше, кто хуже, но дураков и неумех среди них — ни одного.

Что такое хороший учитель? Он объясняет, рассказывает — ученик запоминает. Не так в медицине: в ней между учителем и учеником находится третье, промежуточное лицо — пациент, больной человек. И этот несчастный очень заинтересован в том, чтобы его лечили, а не беспокоили зря, чтобы на нем не упражнялись неопытные ученики. Если они не способны выучить важнейшие вещи или вспомнить о них, им нечего делать в профессии. Немногие люди рождаются целителями. Кое-кто способен научиться. Для этого требуется истинное желание.

Обучение медицине — это не только показ и объяснение, это, что гораздо важнее, еще и практика. Надо все самому потрогать руками, надо научиться выстукивать пальцами границы сердца и легких, выслушивать шумы и дыхание стетоскопом, считать пульс, двумя руками мять живот, обследуя печень, почки, селезенку и кишечник (пальпирование). Даже прямую кишку приходится обследовать пальцем. Неприятно, да другого способа проверить, нет ли опухоли, пока не изобрели.

Медицина — это и наука, и ремесло, и искусство. Работа лекаря требует натренированности всех чувств — умения распознавать болезнь на ощупь, на слух, на запах. Пальцами определяют границы органов, прощупывают опухоли, исследуют их свойства; на слух устанавливают изменения шумов сердца и легких, обонянием улавливают запах гниения. Натренированные руки должны уметь чувствовать ткани даже через сталь инструментов и удалять из организма вредное, не повреждая здорового.

Хотя последнее для лекаря запрещено. Серьезные операции разрешено делать только жрецам, но кто не нарушал правила?

— Что? — спросил, заметив, как мнется девочка.

— Учитель, но вы же и так время умеете точно определять, а этим людям не требуется показывать свою набожность. Это же аголины!

— Нам, лекарям (ишь, как опять покраснела — приятно слышать «мы»!) с лицензией от Храма, — постучав себя по нашитому на рубахе косому красному кресту, спокойно объяснил ей, — стоит лишний раз продемонстрировать окружающим правоверность. Ничего от нас не отвалится. Это должно стать привычкой. Иначе один раз не сделаешь правильно, другой — и начнут говорить за спиной. А у нас и так проблем хватает.

Бенила молча кивнула, соглашаясь. Слишком она хорошо меня знала и представляла, насколько далеко простирается моя вера. То, что я ей не мешал втихомолку общаться с Богиней, роли не играло. На людях я всегда выполнял все предписания. Молитвы, благочестивое постное выражение лица и посещения Храма Солнца по праздникам с непременно даром на его нужды — да вообще, полный набор предписаний.

Я ведь и тексты Храма знаю не хуже жрецов, и всегда готов процитировать при случае. Это когда посторонние уши рядом. А по жизни убежден — просить Богов бесполезно. Сам себе помогай. Никто за тебя стараться не станет. И ее этому учу. Просьбы к высшим силам от слабости. Сильному это не требуется.

Мы вышли к мосту и в толпе спешащих по своим делам людей двинулись по направлению к острову. Здесь рядом

порт, и в шумном столпотворении кого только ни увидишь. Матросы всех возрастов и расцветок кожи, беседующие на специфическом жаргоне, вобравшем в себя огромное количество слов из разных языков. Торговцы едой и лоточники со всевозможными товарами. Солидные, хорошо одетые купцы. Покупатели, спешащие на рынок, как из приличных домов, в соответствующей униформе, так и обычные люди. Нищие, солдаты, ремесленники. На улицах — людское море, ничем не уступающее океанским волнам. Такое же разнообразное и нередко опасное.

Великое дело — Первая империя. Умели предки строить! Восемьсот с лишним лет прошло с постройки моста, а он стоит и, за исключением мелкого косметического ремонта, в переделках не нуждается. И еще столько же легко простоит, если храмовникам моча в голову не стукнет. Хочется надеяться, что хоть здесь им мозгов хватит. Ладно, разрушили Храм Бога Реки, они без этого не могут, но без соединяющих берега реки пролетов их самих ожидают сложности.

Остров Кляत्व... А кто, собственно, кроме помалкивающих на всякий случай историков, помнит, что там еще триста лет назад в Храме Бога Реки (я по привычке даже мысленно не произношу запретное имя) составлялись договоры купли-продажи привезенных на кораблях со всех концов земли товаров? Остров и сегодня основной порт Серкана.

Напротив низких зданий складов вечно стоят длинные вереницы разнообразнейших морских и речных судов. У нас очень удачное место. Город расположен прямо у места впадения реки в Длинное море. С одной стороны от нас Западный океан, с другой цивилизованные земли империи. А напротив, через пролив, расположен Черный материк.

В хорошую погоду он прекрасно виден невооруженным глазом. Пролив от семи до пятнадцати лиг в ширину и почти сотню в длину, а за ним — четыре мощные крепости на берегах, охраняющие покой империи от любых врагов, и Серкан, дающий приют морякам и путешественникам перед следующим плаванием.

У огромной протяженности пристани всегда достаточно сложно найти свободное место. Иногда приходится дожидать-

ся очереди на разгрузку. Поток товаров течет в любое время, даже ночью, при свете факелов, по деревянным мосткам, спускающимся от бортов на каменные пандусы.

Склады ломятся от товаров, ведь именно здесь швартуются морские суда, завозящие в империю лучшие вещи и редкие яства — от дорогущих восточных специй до проделавших путешествие через океан драгоценных камней. А еще здесь сгружают зерно, оливковое масло и множество необходимых и не очень важных вещей с юга.

И от нас везут. Медь, железо, рыбу и немного серебра в слитках. Монеты штамповать имеют право лишь в Карунасе. Но основной продукт провинции — селитра. Наше огромное богатство и наше же проклятие. Во всей империи только в районе Серкана существуют залежи природной селитры.

Приморские равнины достаточно густо заселены, но они находятся в зоне, где редко выпадают дожди. Это достаточно высоко расположенное предгорье. Ученые давно определили, что в результате уникальных условий разложения птиц и животных, а особенно птичьего помета (иногда в селитре находят неразложившиеся остатки гуано) образовалось уникальное для цивилизованного мира месторождение. Еще за Матерью Гор, у желтопузых, есть свое, гораздо меньших размеров, и все. Сколько ни искали, больше ничего серьезного не обнаружили. А искали целенаправленно и долго.

Залежи расположены всего в сорока — пятидесяти лигах от берега океана. Они тянутся полосой длиной около двухсот лиг и шириной в три лиги. В котловинах пласты значительно утолщаются и напоминают высохшие озера. Обычно порода мягкая и легко извлекается из земли, но иногда залежи селитры такие плотные, что для добычи требуется огромный труд тысяч людей. Такие места обычно оставляют на будущее. Невыгодно их разрабатывать, когда рядом что-то гораздо более доступное. Вот закончатся «сливки», тогда можно и вернуться. Да только до этого еще пройдут столетия. Слишком богатые земли, и, сколько селитры ни добывают, количество ее все не уменьшается.

Для контроля над важнейшим источником сырья в провинции находится одна из мощнейших имперских армий. Ар-

мия здесь не столько из-за врагов внешних (откуда им взяться в наших краях, в долине, огражденной от вторжений горным хребтом, на каждом перевале которого выстроена мощная крепость?), сколько для того, чтобы пресечь любые поползновения аристократов отделиться. В результате мы живем в достаточно странной обстановке, у нас наряду с властями провинции немалую роль играет армия. И военный губернатор очень любит вмешиваться в здешние дела.

Копи принадлежат лично императору, но вокруг них кормится немалое количество народа. Кто-то же должен снабжать работников пищей, одеждой, выпивкой и еще множеством разнообразных вещей и услуг, включая проституток. Все это огромное богатство и неистощимый источник доходов.

Первой империи селитра не требовалась, ее больше интересовала медь, и когда империя рухнула, Серкан изрядно уменьшился в размерах. Зато поднявшаяся на руинах Вторая империя оценила подарок Солнца и приступила к разработкам.

Она стала использовать на копиях труд свободных граждан. Просто неоткуда было в те времена взять столько рабов. Гражданские войны, эпидемии, вторжения изрядно поубавили численность населения. Ко всему прочему рабы при малой производительности труда обходятся дорого. То есть преступников по-прежнему посылают в копи, но это не главный источник трудовой силы. Люди едут сами, и им неплохо платят за тяжелый труд.

Конечно, для получения селитры можно использовать (да и используют) кучи из смеси навоза с известняком, мергелем, строительным мусором, прослойками из хвороста или соломы. Эту жуткую смесь загружают в ямы и обильно поливают мочой. Запах убивает птиц на лету, приходилось сталкиваться. Ко всему прочему еще и ждать, когда закончится процесс разложения, приходится в течение года-двух, и из шести мер «селитряной земли» получают не больше одной конечного продукта.

Природное вещество как бы дешевле и проще добывать. Да и качество заметно лучше. Вот и выходит, что для империи важны всего три области: Карунас, Серкан и Ренодор. Столи-

ца, селитра и центр металлургической промышленности с богатейшими залежами угля. Все остальное второстепенно. Даже продовольствие. Имея оружие, можно и сельскохозяйственные районы держать в кулаке.

Я заметил взгляд Бенилы и остановился купить девочке пряник у торговки. Пусть побалуется, не жалко. Заслужила сегодня. Хм... Привык я уже к ее помощи. То подай, это принеси. Здесь поддержи, там перевяжи. И мешок она таскает, а тяжесть хорошая. Как раньше обходился?

Небрежно кивнул в ответ на слова благодарности и направился дальше. Лично для себя приобретать пирожки с начинкой не собираюсь. Знаю я, из какой гадости их делают. Вроде бы что можно подсунуть в обычную капусту или картошку? Однако их умудряются жарить на таком масле и запихивать внутрь такое гнилье, что не всякий желудок выдержит. Я не великий гурман, но предпочитаю точно знать, что именно употребляю в пищу. Когда есть возможность. А дешевизна скорее отпугивает, чем привлекает. Но это потому, что в кармане у меня имеются золотые монеты, а уличные торговцы рассчитывают на публику победнее и менее притязательную. Не всегда я так хорошо жил. Приходилось раньше и эту гадость лопать, отчего прекрасно знаком с ее вкусом.

Еще один мост, и мы начинаем двигаться в западный район — домой. Серкан так велик, что его делят на пять огромных районов.

Один из них — Остров — с двух сторон окружен гаванями. На нем есть источник пресной воды, дающий начало озеру, кишасшему рыбой. Морские волны давно затопили бы его, если бы он не был отделен от моря каменной дамбой.

Второй район называется «Храмовый». Здесь находятся обширная площадь, прекрасные портики, великолепные правительственные здания, множество частных домов богачей и, естественно, сам Храм Солнца. Центр религиозной деятельности и сборитель десятины со всей провинции.

Лично мне кажется, что гораздо правильнее традиции агонинов, дающие возможность молиться в общинном доме. Тем более что реально большинство так и делает. Далеко не каж-

дый может, да и хочет, отправляться на праздники так далеко. Один храм на провинцию, даже если их сто пятьдесят на империю, не считая Центрального — этого мало.

Зато все доходы собираются четко и не растрачиваются на мелкие нужды в деревнях. Их ведь там не проверишь. Зато и веры особой не имеется. Некому постоянно наставлять и контролировать. Деревня вообще частенько живет натуральным хозяйством, и что там происходит, чужаки не знают. Может, они молятся совсем другим богам! Да что там — может! Сплошь распространено двоеверие. Причем неизвестно еще, кого больше уважают.

Третий район — Новый город — выстроен позже всех. В нем проживает основная часть населения Серкана. Ремесленники, содержащие множество лавок с самыми разными товарами, и не слишком зажиточные фемы. Там имеется стадион, где собираются по праздникам, и театр.

Есть еще район аголинов и Нищий район с разрушающимися домами старинной постройки и лачугами, слепленными как попало недавно пришедшими в Серкан людьми. Мой мир, где я проживаю последние двадцать лет. Не в самой плохой обстановке. Это случайно забредшего сюда чужака могут ограбить и раздеть. Меня достаточно хорошо знают в округе, и даже прогулки глубокой ночью по самым неприветливым местам, куда стража не осмеливается сунуть нос, ничем не грозят.

Районы эти окружены крепостными стенами, а в самой далекой от моря точке возвышается Цитадель, занятая армейскими подразделениями, — основная база военных и место проживания военного губернатора. Стены на самом-то деле не в лучшем виде. Давненько не случалось войн и прочих неприятных катаклизмов. Деньги на ремонт потихоньку разворовывают.

При желании легко без особых сложностей проникнуть в Серкан или выйти из него не через ворота. Стража города с этим борется с минимальными успехами. Платить пошлину, если можно обойтись без этого, готовы немногие. Вот и пытаются заделать дырки и патрулировать в особо проблемных местах.

На середине моста Бенила послушно затормозила и приготовилась ждать. Давно выучила — когда есть время, я всегда

задерживаюсь посмотреть. Сама она ничего особо интересного в окружающем мире не видит.

Привычное и давно никого не удивляющее зрелище варварского отношения к прошлому, развала и упадка. Когда-то здесь стоял величественный Храм Врача. Собственно, как и любой Храм, не одно здание, а целый архитектурный ансамбль, построенный известнейшими зодчими того времени. Ну ладно, очень важно было смешать с песком конкурентов Солнца, а ломать-то зачем? Возьми и используй!

Квадрат со стороной сто десять метров. Когда-то весь комплекс окружала крытая галерея, поддерживаемая мраморными колоннами высотой в восемнадцать метров. Внутри настоящий сад. Вдоль шести длинных стен из кирпича с мраморной облицовкой, достигающих полутора метров в высоту, проложена оросительная система. В чанах на возвышении — экзотические растения. Основная часть Храма — тихий сад, полный благоухающих цветов, мирно струящейся воды и альпийских горок.

В библиотеке — огромное количество свитков и книг, доступных любому желающему. Врачу дарили то, что он любил больше всего, — знания. Трактаты по точным наукам, рассказы об окружающем мире и чужих странах. Да много разного там было, включая и поэзию. Одна из крупнейших библиотек в империи. Практически все пропало во время штурма.

Да какой там бой! Жрецы Врача растерялись и даже не пытались сопротивляться науськанной на них черни. Озверевшие люди ломали и жгли все подряд, уничтожая огромные ценности. Никто еще тогда не знал, во что выльется Поход Солнца.

Прошло четыреста семьдесят восемь лет с момента погрома и больше четырехсот с момента падения Главного Храма Врача. Полторы тысячи лет подъема цивилизации, после которого последовало страшное падение, отразившееся на жизни всего мира. И в культурном плане тоже.

В Храме было огромное количество скульптур и картин. Прямо у входа стояла величественная статуя работы Эпидокла — Бог Реки с детьми, символизирующими уровень поднятия воды в сезон дождей. Статуя была отлита из бронзы и давно

уже переплавлена на нужды империи. Что империи красота! Оружие важнее. Металл дорог, а здесь его было много. Мрамор переплавить нельзя, так мраморные статуи просто разбивали. Что не пропало тогда, постепенно утрачивалось позже.

То, что я регулярно делаю, сохраняя для будущего зарисовки исчезающих памятников культуры, лишь капля в море. Придет время, и будущие светила науки начнут спорить, как выглядела статуя Богини Красоты. А она реально была прекрасна. Чудной работы покрывало, облегающий чело венец. Я вот не представляю, как из камня создавалась вуаль, скрывающая лицо, но при этом дающая возможность рассмотреть его черты.

Распущенные волосы до колен. Приятная улыбка. И совсем не тот тип лица, который прекрасно известен сегодня. Скорее... северянка. И ведь ваяли по одному канону, уходящему в неизвестно какие глубины прошлого. Что невольно приводит к нелояльным мыслям об основателях Первой империи и их Богах.

Нет больше в стране изображений Богини Красоты, только на моих рисунках. А сколько скульптур я никогда не смогу нарисовать? Даже наемные художники — не помощники. Одному или с минимальной помощью не исправить всех скотских поступков, направленных на разрушение произведений искусства. Люди не видят, как меняется мир вокруг них. Они живут в нем и очень редко замечают перемены.

На стенах Храма Врача были сделаны огромные карты мира. Таким он был до Великого Ужаса — Древний мир, Первая династия и Первая империя. Каждая карта размером восемнадцать на четырнадцать метров, каждая занимала всю стену. Точно соблюдены пропорции и масштаб. Моря выложены синим, леса зеленым, горы коричневым камнем. Изумительное искусство и огромный труд. Зачем ломали? Кому мешало? Зато людские умы не смущает уменьшение размеров Второй империи по сравнению с Первой.

— Идем, — сказал я и двинулся дальше. Ничем здесь не можешь. Сейчас в развалинах живут нищие и продолжают растаскивать остатки стен и зданий на строительный материал. Еще столетие, и никто не вспомнит о прошлом.

— Учитель, — спросила Бенила, привычно пристроившись рядом, — а у аголина все пальцы будут работать нормально?

— Вряд ли подвижность восстановится полностью, но если продолжит разрабатывать их правильно, согласно всем предписаниям, работать сможет двумя руками. Точно не скажу. Нет у меня такого опыта.

Увидел изумленно вытаращенные глаза девушки и усмехнулся, сохранив на лице невозмутимое выражение. Вот так — побольше думай. Я многое знаю и умею, но не вездесущ и никогда прежде не совершал ничего похожего.

Старший сын хозяина умудрился случайно ударить топором по тыльной стороне ладони. Левая рука тоже важна, жить без нее затруднительно, а пальцы, когда мы пришли, болтались практически на мягких тканях. Нормальный лекарь без всяких сомнений просто отрезал бы их и с чувством выполненного долга удалил. Я ненормальный. Решил пришить и посмотреть, что из этого получится. Ампутировать никогда не поздно.

Та еще работенка — сшивать сосуды без необходимых условий. Это ведь не просто хирургия — микрохирургия, и ошибиться нельзя. Мой набор инструментов у знающего человека непременно вызовет острый приступ зависти, а продав их, можно купить небольшое поместье и безбедно жить всю оставшуюся жизнь. Не кузнец клепал — ювелир высокой квалификации старался.

Сшил ткани, наложил повязки и гипсовую одностороннюю шину, с умным видом вещая про волю Бога. Это же аголины, и давить на Солнце не стоит. Все хорошо в меру. Впрочем, как раз в вопросе равновесия Солнца и Луны я с ними вполне согласен. Нет жизни без света и нет без тьмы. А слишком много тепла — это не всегда хорошо, ну да не для религиозных дискуссий меня звали.

Нельзя демонстрировать родственникам пострадавшего свою неуверенность. Я просто обязан выглядеть всезнающим и деятельным. А осложнения — это не в моей воле. Плохо молились или на больном какие-то грехи, не прощенные Богом.

К моему величайшему удовлетворению, через две недели оттек пальцев начал спадать, нагноение отсутствовало, кожа

приняла нормальный розовый оттенок. Прижились пальцы! Не чудо, а еще один любопытный опыт. Когда-то нечто подобное я проделал с собакой, попавшей под колесо телеги. Эксперимент удался. Псина хоть и хромала, но ходила бодро.

Человек тоже в каком-то смысле животное. Мышцы, связки, направление больших кровеносных сосудов, легкие, печень, почки — все у животных имеет сходство с человеческими органами. Лечить одинаково нельзя, а вот травмы исцелять — почему нет? Вот и выходит: что удалось один раз сделать на собаке, имеет смысл повторить на другом уровне — на человеке. Полного соответствия не выйдет, но результат обнадеживающий.

Даже «Канон целителя» из Храма Солнца, несмотря на прямой запрет вскрытия трупов (а как иначе обучать хирурга?), приводит рисунки кровеносной и пищеварительной систем с надписью «срисовано с обезьяны». Я бы поверил, если бы точно не знал, что это копия с «Книги Врача». Вымарали ссылки, скрыли, откуда все взято, но вынужденно продолжают использовать. Ничего лучшего до сих пор не было и нет.

Борьба с жрецами Бога-Врача на пользу человечеству не пошла. Общий уровень целительства опустился до чрезвычайно низкого уровня. И дело даже не в деньгах. Это вполне сознательные мероприятия. Чем дальше, тем хуже. Если на первых порах можно было объяснить все желанием не дать повторить прошлый негативный опыт с перенаселением страны, то теперь такие объяснения не пройдут — количество жителей практически стабилизировалось. Даже после чумы скачка рождаемости не наблюдается. Подушный налог — великое дело. Кто-то оценил эту идею по достоинству.

— Если раньше я этого не делал, не обязательно исповедовать как догму невозможность. У меня был выбор: попробовать или плюнуть. Хуже все равно не сделал бы. В крайнем случае, обнаружив гангрену, отрезал бы пальцы, и вся недолга. Лекарь учится всю жизнь. Хирургия основана на знании и умении, но интуиция и импровизация способны иногда делать чудеса.

Пауза, чтобы прочувствовала.

— Правила умного лекаря! — приказал я Бениле отвечать.

— Не навредить — важнее всего, — послушно забубнила девушка давно заученное. — Без практического опыта знания мертвы. Поэтому если то, что ты делаешь, срабатывает, продолжай это делать. Если то, что ты делаешь, не срабатывает, перестань это делать. Если ты не знаешь, что делать, не делай ничего...

Глава 2 УХОД ИЗ СЕРКАНА

Лекарь

Я не успел еще постучать в знакомые ворота, как дверца распахнулась, и Сугр, почтительно кланяясь, забормотал стандартное приветствие:

— Пусть тебе всегда светит Солнце, и дождь вовремя выпадает к твоим ногам.

Роста он был почти двухметрового, с могучими мышцами, что называется, атлетического сложения. В старые времена вполне мог бы стать натурщиком для очередной скульптуры Бога. Конечно, если заменить голову на что-нибудь более подходящее. Нервные дамочки из зажиточного района или фемские дамы из центра, встретив эту образину с перебитым носом, расплюснутыми ушами, низкими бровями и выражением лица голодной обезьяны, непременно упали бы в обморок.

Да он и по жизни был очень неприятным и агрессивным типом, не зря его держали в качестве привратника. Далеко не всех посетителей пускали внутрь, иных приходилось выбрасывать на улицу. Не часто, но случалось. У Вырая вся ближняя охрана состояла из таких типов. Преданные, сильные, умелые в драке и без особой фантазии. Для них важна исполнительность, а думает за охранников начальство.

— Хозяин просил непременно зайти, как только вернетесь, — сообщил Сугр.

Странно. Вроде особых причин для спешки не наблюдалось. Обычно Вырай не вызывал к себе сразу. Пообщаться вечером в домашней обстановке — это нормально. А вызов в кабинет — не то чтобы нечто из ряда вон, однако подозрительно.

Что-то случилось, и вряд ли приятное. Настроился хорошо по-жрать и отдохнуть после тяжелого дня, а теперь надо идти и выслушивать учтивые речи с двойным смыслом. Зря Вырай к себе не вызывает.

— Как дочка? — спросил Сугра, останавливаясь.

— Хвала Солнцу, гораздо лучше.

— Я зайду к тебе вечером, проверю, — пообещал, проходя мимо. Выслушивать очередные пожелания счастья и удачи совершенно не было настроения.

Единственная слабость Сугра — любовь к дочери. Абсолютная и ни перед чем не останавливающаяся. Жену он мог и прибить, ничего удивительного. Трое его мальчишек удостаивались только несильного подзатыльника в качестве похвалы, дальше забота папаши не распространялась. Что дети кушают и где спят, его не волновало. Не уверен, что Сугр вообще помнил их имена.

Дочь совсем другое дело. По общему мнению здешних жильцов, на ней он свихнулся. Она росла на манер зажиточной фемки. Ей давались соответствующие образование и воспитание. Наверняка в мечтах отец видел ее женой большого человека. Поэтому, когда примчался недавно чуть ли не с рыданиями и просьбой осмотреть заболевшую, я не особо удивился.

Кстати, то еще зрелище — Сугр в панике. В ярости его приходилось видеть, ничего приятного в безумной горилле с каплюющей слюной нет, а вот испуганным Сугр не бывал никогда. Неизвестно, знает ли он вообще, что такое страх.

Ничего особенного. Краснуха. Все дети болеют. Правда, девочка подцепила ее достаточно поздно, и тем не менее ничего страшного. Могли и Бенилу позвать, она не хуже меня знает симптомы и способ лечения. Соседи давно усвоили, что ученица на первый осмотр может и сама сбегать. Тем более что ей можно и намного меньший гонорар вручить. Вот если сама не возьмется и меня позовет — плохо дело. Ну да я никогда не отказываюсь осмотреть здешних работников и членов их семей. Причем бесплатно. Оно вроде как входит в мои должностные обязанности. Хорошие отношения с ними уж точно не повредят. И накормят вкусно, и дверь своевременно откроют.

Особняк был построен в виде прямоугольника с внутренним двориком. Здесь находился сад. В нем росли и деревья, и кустарники, и травянистые цветущие растения. Венчали же это разнообразие зелени высоченные сосны. Прямо мимо ног весело бежал небольшой ручеек, аккуратно выложенный по берегам камнями. За образец явно взяли дома аристократических фамилий. Фактически до запустения западного района, в период между Первой и Второй империями, здесь и проживал очень родовитый господин с немалым достатком. Конечно, здание перестраивалось уже при новом хозяине, и сад сажали заново, но общая архитектура осталась прежней. Добавилась только мощная стена вокруг. Внутри почти ничего не изменилось, а добиться этого было непросто.

Вообще профессиональные нищие в воровской среде всегда считались своеобразной аристократией. Способный и хорошо обученный «стрелок» неплохо зарабатывал, используя множество всяческих уловок. В гильдии существовала своя четкая иерархия, в этом же доме проживали и ближайшие соратники из руководства. Соответственно многие из них — вполне зажиточные и могли позволить себе даже личную прислугу.

Но данный особняк не показателен. Большинство зданий в округе находилось в откровенно катастрофическом состоянии. Все строения были очень приземистыми, ни одно из них не насчитывало более двух этажей. Естественно, и речи не шло о деревьях или зелени. Давно все вытоптали и загадили. Дома много лет не ремонтировались и жутко перенаселены.

Грязь, запустение, и никому, в том числе владельцу, нет дела до происходящего вокруг. Почти в каждом здании внизу находились харчевня и пивная. Соответствующей была и обстановка. Иной раз тут бесследно исчезали не только краденые вещи, но и сами ограбленные. А в случае облавы вся ночующая в доме публика шустро покидала его по системе черных ходов и подземных коридоров. Кстати, таковые присутствовали и у нас. Вещь полезная.

Мостовые, вымощенные когда-то во времена Первой империи, давно лишились булыжников, поэтому в результате интенсивного движения и дождей дороги размывались и превра-

щались в настоящие болота, через которые часто было невозможно проехать. Местами запросто утонешь в грязной жиже, а уж застрявшая телега никого не удивляла. Только местные знали, где лужи меньше и путь короче.

Тем не менее сюда частенько ходили и вполне зажиточные люди. Во-первых, тут всегда имелись для продажи всевозможные «пороки». Женщины, дети, выпивка, вещи — дешево. Во-вторых, здесь всегда можно было найти необходимого человека. Надо только знать, где искать и у кого спрашивать. Кто бы вам ни потребовался, убийца или раб, знаток юридического дела или крестьянин из деревни, нуждающийся в работе, — все проживали тут.

Я добросовестно подождал в приемной, пока Вырай освободится. Поток посетителей редко прерывался. Люди шли со своими проблемами и болью. Руководитель гильдии — достаточно большая должность. В городе таких всего десяток. Но только один глава распространял свои интересы практически на весь город.

В том, что без него Серкан в считанные дни утонет в мусоре и отходах по самые уши, никто не сомневался. Однажды уже имели прецедент. Храм Солнца вознамерился брать с нищих налог за проживание. Невыносимая вонь на улицах заставила жрецов пойти на попятный уже через цикл. Урок замечательно усвоили все. Не забыли и внезапного роста преступности в богатых районах. Но грязь оказалась важнее.

Слишком много всего скапливается в городе буквально каждый день и мешает нормальным людям жить. Человек производит массу отходов. Большинство их не пропадает и снова пускается в оборот. Кости, засаленные тряпки, даже помет. А вы как думали? Существуют даже специализации на определенных видах отходов. Как вам понравится профессия собирателя собачьего и птичьего дерьма? Необходимая вещь для очищения шкур в кожаных мастерских. Существуют даже специалисты, способные по цвету, виду и запаху определить, чем питалось животное. Заработок сборщика колеблется и зависит от количества доставленного продукта.

Но если своевременно не вывозить все это, причем буквально телегами, недолго и до эпидемий. Дожди здесь идут не-

часто, и сточные канавы без соответствующих трудов очень быстро превращаются в страшно воняющие клоаки.

Однако все это лишь один из источников благосостояния гильдии. Любой уличный торговец обязан платить совсем небольшую сумму в общественную кассу. Сумма никогда не бывает неподъемной и зависит от места торговли, но из маленьких монеток слагается немаленькое богатство. Платят все. Иначе просто нельзя. Иначе мальчишки или опрокинут лоток, или начнут регулярно воровать вещи, или вывалят тебе прямо под дверь огромную кучу отходов.

А особо непонятливым могут и ноги переломать. Зато проблемы с властями разрешает гильдия. Иногда она помогает престарелым и больным. Просто отнимать — не в духе Выраев. Кому-то необходимо и помочь, соблюдая баланс между добром и злом.

Почему Выраев? Так он уже четвертый бессменный представитель династии, и методы правления отработаны давно. Первый-то реально выдвинулся из нищих, и с тех пор власть главы гильдии все растет, а сама организация приобрела серьезное влияние в городских делах.

— Пусть тебе всегда светит Солнце, и дождь вовремя выпадает к твоим ногам, — приветствовал меня старик в резном кресле.

Это здесь единственная дорогая вещь. И то подарок, сам бы не стал приобретать. В личном кабинете Вырай не терпел роскоши. Ковры, украшения, дорогая посуда — все это в приемной и для родственников. Его же интересовало другое — власть.

Встретишь на улице и примешь за фема. Одежда, осанка, пронизательный взгляд. А замечательная лысина соответственно заменяет бритый по обычаю аристократический череп. На самом деле фемя в подавляющем большинстве ему в подметки не годятся. Они заслуги по предкам считают, а Вырай сам себя сделал. Не без моей помощи, но голова у него светлая. Родись он в другой семье, в ученые пошел бы, а так свой ум направил на одно дело — сохранять и развивать собственный клан.

Любая частично криминальная организация рано или поздно входит в противоречие с окружающим обществом. Она не может стоять на месте и вечно скрываться. В ней обязательно найдутся ренегаты, выбалтывающие лишнее. А так и до коэстра недолго. Я-то знаю. Приходилось видеть, как укорачивают жизнь слишком больших умников, ну или просто возомнивших о себе.

Вот пусть Вырай руководит и принимает почести. Я никогда настырно не лез вверх, старался не выделяться и всегда был в курсе того, кому нужно вовремя поклониться. Зато и живу до сих пор. Неплохо живу. Семейные отношения, завязанные на страхе и почти религиозном поклонении, гораздо выгоднее. Особенно когда ты патриарх.

— И тебе того же, — усаживаясь на стул напротив, согласился я. — Но не слишком много дождя, а то наводнение будет.

— Сколько лет прошло, а иногда я по-прежнему не понимаю, когда ты шутишь, а когда говоришь всерьез. Скажи, ты кому-нибудь молишься или это глупый вопрос?

— Хе, — озадаченно хмыкнул, чуть не поперхнувшись от изумления. Вопросы веры моего хорошего знакомого обычно мало занимали. — При необходимости на людях могу помолиться любому, от меня не отвалится. Не заметил, чтобы кто-то из Богов особо обижался на отсутствие уважения. Правда, лично с Солнцем не знаком. Его вообще никто толком не видел. Исключительно в закопченное стекло можно рассмотреть. Тебя пробило на теологический диспут или объяснишь, зачем позвал?

— В Храм приехал Высматривающий из столицы, — четко, по делу, доложил Вырай. — Очень интересуется местными лекарями. Такое впечатление, что им в Храме заняться больше нечем. На носу очередная гражданская война, а жрецы беспокоятся о соблюдении правил лечения.

— Подробности?

— Ничего конкретного, — поморщился старик, — но Цур зря говорить не станет.

— Не верю я ему. Та еще скотина.

— Ты вылечил ногу его сыну!

— У членов Ордена Солнца не бывает детей, — возразил я с постной рожей. — Они обеты дали. Тыкать этим в глаза и намекать на излишнюю осведомленность опасно. И потом, ты веришь в людскую благодарность? Вот уж не думал, что ты такой наивный. Никогда лекарь не должен рассчитывать на любовь больного. Надеяться на признательность не стоит. А уж удивляться подлости людской...

«Так, — подумал, продолжая молоть языком. — Если он напрягся, время задуматься всерьез. Слишком я засиделся на одном месте. Привык к удобствам и безопасности. Пора уходить, пока не разразилась буря. Когда кровь польется в очередной раз, желательно оказаться как можно дальше. Конечно, жалко срывать и бросать с таким трудом налаженные связи и неплохую лабораторию. Но ничего не поделаешь. Видимо, пришло время».

У Вырая система сбора информации налажена замечательно, но направлена в основном на местные дела. Контрабандисты ведь тоже под его рукой. Да и любой торговец по определению не только вор, но и шпион. Приходится просеивать массу различных сведений, чтобы четко знать, как не прогадать, покупая с надеждой продать в другом месте подороже, и по каким дорогам лучше не ездить. На дорогах не только грабители имеются, иногда местные феми хуже любого бандита.

Столичные интриги нас раньше мало трогали. Полуавтономное существование провинции под руководством армии вполне всех устраивало. Офицеры тоже люди. Они не часто лезли в торговые дела и управление городом. А вот ссориться с Храмом при прямом приказе из Карунаса не станут.

— Ну что, родственник, — добродушно спросил Вырая, — дождался? Теперь ты будешь править кланом, не оглядываясь на меня.

До сих пор это был мой клан. Мой, именно в том смысле, что он принадлежал мне. Больше трех сотен человек, готовых по моему слову сделать все что угодно, и так, чтобы никто посторонний об этом не узнал. Да и сами они далеко не всегда находились в курсе того, кто отдает приказы. Хозяин — Вырай, а я всего лишь близкий советник. Последняя инстанция в

спорах. Ко мне по мелочам и обращаться не стоит, но мое решение окончательное и обсуждению не подлежит.

Он дернулся, желая возразить.

— Не надо, — я поднял руку, останавливая. — Не уверяй меня в своей глубокой любви. Я знаю, это правда. Но я знаю и то, что когда-нибудь родители должны освобождать дорогу детям. Не вечно же мне направлять и давать указания. У тебя имеется своя голова, и она ничуть не хуже моей. Ты крепко держишь всех в руках. Лучшего для семьи и клана представить нельзя.

И ведь правду излагал, ничуть душой не кривил. Бывало, говорил такое же, но понимал, что пустое. Не в этом случае. Вырай хитрец, каких поискать, жестокий и с хорошими мозгами. Для него я давно перешел в категорию «личный друг», насколько может быть другом близкий родич, не пытающийся занять твое место и всегда готовый дать дельный совет. Пусть и чрезвычайно опасный. Мне есть чем поделиться, а он не прочь воспользоваться чужой мудростью. Вполне взаимовыгодное сотрудничество.

В мои дела родственнички не лезут. Последний такой любопытный умер очень нехорошей смертью. Заодно и вся его семья, больше тридцати человек с женщинами и детьми. Ничего не поделаешь, традиции кровной мести у нас до сих пор в почете, и ждать, пока подрастут сиротки, не стоит. Лучше уж сразу. Заодно и остальным урок.

— Просто исчезнуть, — задумался я над ситуацией, — это расписаться в собственной вине и подставить тебя под удар. Отправлюсь, пожалуй, в Заруб, буквально вчера пришло письмо с приглашением от фема Токсона. Замучила его катаракта. Еще немного, и ослепнет навсегда.

Объяснять, насколько редкая вещь — избавление от подобной болезни, я не стал. Сам прекрасно знает. Меня по пустякам редко приглашают. Удаляется катаракта достаточно примитивным способом — хрусталик отсасывается с помощью полрой иглы. Дальше в лечении сложностей много, настолько, что всего и не объяснишь. В империи есть не то двое, не то трое лекарей, способных справиться с болезнью. Вот, например, Варнаву я писал, подробно изложил, как проводить про-

цедуру, но он так и не попробовал. Конечно, такие операции лучше проделывать над людьми, находящимися без сознания, а делиться своими химическими находками я не очень рвусь. Незачем лишний раз обращать на себя внимание Храма. Обычно это плохо заканчивается.

— А оттуда уже отправлюсь в дальние края. — Я вздохнул и с печалью огляделся по сторонам. — Мои записи и книги сохрани. Оставлю распоряжение, что отправить по обычным дорогам.

Вырай кивнул. Дело знакомое. Не первый год переправляет самые разные вещи по определенным адресам. А я все пытаюсь сохранить хотя бы часть прошлого. И историю, и ценности. Вряд ли от этого будет польза. Если не сгниет в очередной сокровищнице, так сожгут завоеватели. Но если хоть немного сохранится для потомков, уже замечательно. Артефакты древности продают за огромные деньги. Глядишь, придет срок, и оценят мои рисунки с записями. Во всяком случае, хочется верить.

— Остальное пока припрядь. Понадобится — дам знать.

— Ты... когда уходишь... — медленно и явно подбирая слова, сказал Вырай, — оставляешь в залог своего возвращения детей...

— Хм, — промычал озадаченно.

Что за день сегодня? Второй раз меня ставят в тупик. Только воспитание не позволило покрутить пальцем у виска.

— Ладно, — вздохнул я, — Хамад в руководители не годится, характер не тот. Ему бы мечом махать — и в воины, а не в нашу гильдию. Пусть простит меня его мать, но это правда. Не была бы она такой добродетельной, никогда бы не поверил, что он мой сын. Но я ведь специально старался не плодить тебе конкурентов. Все помнят родословные чуть ли не до Первой империи, начнутся свары, борьба за старшинство. Возьми к себе его сына. Парнишка неглупый, постоит за плечом — всему научится.

— Нет, — отрицательно покачав головой, ответил Вырай, — это само собой, если нет других вариантов. Но руководить кланом должен мой отпрыск. Все должны знать, что род продолжается. — Он замаялся. — Я хочу, — наконец-то твердо

сказал глава гильдии, — чтобы ты оставил ребенка в моей семье. Хочу получить сына.

Я прекрасно его понял. Замечательная идея, еще раз подчеркивающая важность преемственности власти. Ближний круг тоже все поймет. Сначала это происходило без особой системы, а со временем превратилось в традицию. Мой прямой потомок в семье — это большой приз. Все в клане меня знают и проявляют исключительное уважение. Дети мои стандартно живут очень долго и редко болеют серьезно. А правильно воспитанный наследник дорогого стоит. Это намного лучше, чем усыновлять племянника. Ничего не поделаешь, от официальных жен у Вырая одни дочери. Оба сына умерли младенцами. Я ведь тоже не всемогущ.

— А младшая жена? — удивленно спросил его.

Он женился в прошлом году на шестнадцатилетней красотке, взял ее на стороне у бедных родителей за сущие гроши. Практически купил, и приданое его не интересовало. Для своих сорока девяти — он мужчина в полном расцвете сил. Мог бы завести еще парочку жен, но, как ни странно, предпочитал обходиться служанками, чтобы не ссориться с первой супругой. Теперь бы я не удивился, если бы узнал, что женился Вырай на молодой красавице с очень дальним прицелом, рассчитывая на сегодняшний разговор.

— И ты на это согласен?

Про желание жены я спрашивать не стал. Кого это волнует?

— Я бы и старшую привел, — напряженно улыбнулся Вырай, — но вряд ли тебе это понравится.

«Да уж, — вспомнив толстую крикливую бабу, подумал я. — Во что женщины со временем превращаются! Такая тоненькая и скромная была девочка. По любви женился, чуть ли не единственный раз в жизни не по расчету действовал. Но бесконечные роды ее фигуре на пользу не пошли, да и характер испортился».

— Или предпочитаешь кого-то другого, конкретного? — с опасением в голосе спросил он. — Бери хоть трех! Только дай мне сына!

Будто я могу гарантировать пол. Или ему без разницы, подменит — и все? Это даже любопытно.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог.</i> Высматривающий из столицы	5
<i>Глава 1.</i> Лекарь	13
<i>Глава 2.</i> Уход из Серкана	30
<i>Глава 3.</i> Мятеж	49
<i>Глава 4.</i> Горы	72
<i>Глава 5.</i> Диспут о морали	92
<i>Глава 6.</i> Из плена в плен	107
<i>Глава 7.</i> Приглашение в неизвестность	127
<i>Глава 8.</i> Маги и теории	148
<i>Глава 9.</i> Полноправные легионеры	168
<i>Глава 10.</i> Первое поручение	186
<i>Глава 11.</i> Неожиданное завершение плавания	201
<i>Глава 12.</i> Обычная жизнь	216
<i>Глава 13.</i> Старое знакомство	238
<i>Глава 14.</i> У всех свои цели	258
<i>Глава 15.</i> Перед бурей	279
<i>Глава 16.</i> Поле боя	302
<i>Глава 17.</i> Сражение	322
<i>Глава 18.</i> Планы на будущее	344
<i>Глава 19.</i> Карунас	362